

поскольку реконструированный таким образом антропоним противоречит нормам древнерусского словообразования. Правильное членение — *Сапог-ынь*, ср. топоним *Сем-ынь* с тем же суффиксом *-ынь*.

Сбверъ (с. 153—154): весьма убедительным остается сближение этого областного и племенного названия с гидронимом *Сава/Сбавъ*; последний бесспорно продолжает пран. **s(y)āwa-* «черный» [2, с. 226 с литературой вопроса]. В то же время нет полной ясности относительно финали *-еръ* в *Сбверъ*. В ней можно усматривать такой же суф. **-ra-*, как в осет. (прон.) *swar* «минеральный источник» < **srāwa-ra*, *bazyr* «крыло» < **bāzu-ra-* и т. п.

Ушя (с. 168): возможно, при этимологии этого гидронима следовало бы учесть др.-русс. *ушь* «вид чертополоха»; в семантическом плане ср. гидроним *Ренейка* в Поочье [7, с. 28].

Высокое качество рецензируемого труда представляется нам бесспорным: этимологический талант и эрудиция совмещаются в нем с кропотливой обработкой материала. Тем досаднее многочисленные опечатки и мелкие погрешности, встречающиеся в издании. Справедливости ради, следует сказать, что большая часть опечаток — целиком на совести полиграфистов (это относится, например, к греческому набору). Однако ряд опечаток и незначительных ошибок мог быть исправлен независимо от того, где набиралась книга, например: «др.-русс. *де-рева...* из общеслав. **derъje*» (с. 49) — невозможно фонетически; венг. *nady* вм. *nagy* (с. 91); «древнерусское личное имя **Оргостъ*» (с. 96) — сочетание *-pr-* фонетически недопустимо и т. д. Эти недочеты могли бы легко быть исправлены при переиздании. А переиздание словаря совершенно необходимо: ведь его тираж

всего 1800 экземпляров, что конечно, недостаточно для справочника такого типа.

Хочется надеяться, что рецензируемый словарь — лишь начало в цикле историко-этимологических работ украинских коллег, посвященных географическим названиям и имеющих обобщающий характер.

Орел В. Э., Осипова М. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стрыжак А. С.* Этимологический словарь летописных географических наименований Украины // Проблемы восточнославянской топонимики. М., 1979.
2. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
3. *Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
4. Словник гідронімів України. Київ, 1979. С. 115.
5. *Būga K.* Rinktiniai raštai. T. I. Vilnius, 1958. P. 177, 186, 269.
6. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. С. 72—73.
7. *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
8. *Rieger J., Wolnicz-Pawłowska E.* Nazwy rzeczne w dorzeczu Warty. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975. S. 75.
9. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 8. М., 1981.
10. *Отин Е. С.* Гідроніми Східної України. Київ — Донецьк, 1977.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.

Несмотря на то, что проблема анализа волеизъявительных высказываний и грамматических средств их оформления с давних пор привлекает внимание языковедов, она далека от своего окончательного решения и продолжает оставаться предметом непрекращающихся дискуссий. В последнее время эта проблема приобретает новое звучание в связи с повышением интереса к внешелингвистическим ее аспектам — функционально-коммуникативному, прагматическому и социалингвистическому. Это влечет за собой необходимость новой трактовки некоторых

известных и универсальных явлений, выдвигает требование пересмотра некоторых фундаментальных понятий, относящихся к понятийному аппарату лингвистики. Книга В. С. Храковского и А. П. Володина является первой в отечественной, да, пожалуй, и в мировой лингвистической литературе столь крупной работой, специально посвященной изучению императива. В ней обобщаются результаты штудий различных аспектов волеизъявительных высказываний начиная с работ первой половины XIX в. Несомненной заслугой авторов является,

по существу, заново построенный, исходя из принципов исключающего описания, аппарат структурно-семантического анализа грамматических средств, оформляющих императивное высказывание. Пересматриваются некоторые основополагающие представления об аспектах проблемы анализа императивных конструкций (например, императив и категория времени/наклонения). Всесторонне и углубленно исследуются вопросы морфологии, синтаксиса, семантики и употребления императивных конструкций русского языка.

Рецензируемая книга, представляющая собой два довольно независимых исследования, не только способствует пересмотру наших представлений о конкретном языковом явлении — категории императива, — но и в значительной мере обогащает теоретическую базу современной лингвистики.

Первая часть книги — «Семантика и типология императива» — состоит из трех глав. В первой главе — «Семантика императива и проблема исключения императивных форм» — императив рассматривается как объект типологического анализа. Отмечается, что императив встречается во всех описанных языках (в отличие, скажем, от таких категорий, как залог, вид, версия), констатируется интуитивная ясность его семантики и широкая употребительность. Присоединяясь к мнению Р. О. Якобсона [1] и В. В. Виноградова [2], авторы выделяют обособленность императива от прочих глагольных категорий и его периферийность в общей системе форм глагола. Императивные предложения отмечаются либо особой повелительной интонацией, либо наличием особых императивных форм глагола [3]. Первое крайне важно, когда в императивном предложении употребляются формы индикатива, например, инфинитив или формы будущего времени; иногда императивные формы характеризуются регулярным переносом ударения (например, в тюркских языках, в мальгашском). Императивные формы отличаются фонетическими, фонологическими, морфологическими и синтаксическими особенностями. Глагольный императив наряду с вокативами (а также призывными и отгонными междометиями и словами команд) выполняет апеллятивную функцию, которая в своем императивном аспекте предписывает выполнение некоторых действий или их запрещение.

В параграфе, посвященном семантике императива, авторы критикуют традиционную точку зрения, согласно которой лицом, побуждаемым к действию, считается только адресат сообщения, т. е. 2 л. Такая трактовка неприемлема для описаний языков, в которых парадигма

императива включает 1 и 3 л. всех чисел (единственного, двойственного и множественного). Проанализировав точку зрения Р. В. Пазухина [4] на соотношение императива с «несомненными наклонениями» (индикатив и конъюнктив), авторы приходят к одному из центральных положений книги — модели универсальной парадигмы, — включающей все логически возможные комбинации элементов императивного значения, т. е. такие комбинации компонентов коммуникативной ситуации, каждой из которых (комбинации) могла бы соответствовать отдельная императивная форма. Универсальную парадигму формируют компоненты двух видов — постоянные и переменные; первые — это грамматическое императивное значение волеизъявления, номинативное значение действия (то, к чему побуждается слушающий), 1 л. ед. числа говорящего; вторые — грамматические значения лица и числа исполнителя и грамматическое значение числа слушающего. Членом парадигмы является конкретное значение коммуникативной ситуации, описанное в терминах грамматических значений лица говорящего, слушающего и побуждаемого к действию (слушающий и побуждаемый к действию в общем случае не совпадают, и это и есть то новое, что ведет к расширению представлений об императиве и делает парадигму универсальной). Исчисление коммуникативных ситуаций включает 34 конъюнкции, при этом не учитываются случаи наличия категорий рода/класса у глагола, категорий вежливости, показателей обращения (восходящих к классным показателям в глаголах), существования в некоторых языках двойственного числа у глаголов, наличия эмфатических императивов (типа английских форм *Come in!* — *Do come in!*; *Sit down!* — *Do sit down!*). Не принимались во внимание также существующие в некоторых языках сокращенные формы императива (укр. *гляди/глянь, борони/боронь*). Универсальная парадигма могла бы быть расширена за счет введения видовой и временной составляющих, различных форм императива в зависимости от изменения залога (лат. *Vince!* «Побеждай!» *Vincere!* «Пусть ты будешь побежден!»). Эти оговорки в явном виде формулируются авторами, расширение же парадигмы — вполне возможное теоретически — за счет снятия названных ограничений, не прибавив теоретической ценности, могло бы сделать универсальную парадигму императива чересчур громоздкой.

Во второй главе — «Типология императивных парадигм» — авторы формулируют требования к словоформам, включаемым в императивную парадигму. Эти требования включают два пункта: а) возмож-

ность регулярного образования императива от всех лексем, допускающих по своей семантике образование словоформ с императивным значением, и б) распознаваемость этих форм в тексте как имеющих императивное значение. Анализируя требования к словоформам-кандидатам на включение в императивную парадигму, авторы рецензируемой книги отмечают излишнюю жесткость отдельных исследователей в этом и выступают за более мягкие, менее формальные требования, допуская включение в парадигму императива и аналитические формы типа английских *Let me go!* «Дай пойдю!» Вместе с тем не может не вызывать симпатий четкость методологической позиции авторов при описании фактов, не относящихся к некоторой категории; в подобных случаях они призывают не отодвигать эти «строптивые» факты в сторону, а эксплицитно указывать, к какой другой категории эти эмпирические факты относятся. На протяжении книги авторы остаются верными этому принципу.

Мягкость подхода к морфологии конструкции и эксплицитность толкования эмпирических фактов позволила авторам, сознающим, что они имеют дело не столько с типологией императивных парадигм, сколько с типологией их описаний, скорректировать императивные парадигмы целого ряда языков. Для примера достаточно указать описания арабской и грузинской императивных парадигм, даваемые авторами. Традиционно арабская императивная парадигма описывается как двучленная, включающая только формы 2 л. (формы 1 л. и 3 л. отсутствуют), но поскольку авторы учитывают формы императива мужского и женского родов, аналитические императивные формы, а также формы императива двойственного числа, то они получают десятичленную парадигму для арабского и восьмичленную для грузинского языков, совпадающую с эталонной.

Авторам удалось построить аппарат, который а) дает возможность судить об адекватности/неадекватности описания того или иного языка с точки зрения средств побуждения и б) может использоваться при составлении дескриптивных грамматик недостаточно документированных языков.

В начале третьей главы — «Категория наклонения и ее интерпретация. Сопоставительный семантический и формальный анализ императивной и индикативной парадигм» — дается традиционная трактовка императива как основного из числа косвенных наклонений и приводится обзор нетрадиционных точек зрения на императив как на один из членов системы вербонидов [4], куда входят также нефинитные формы глагола: причастия,

деепричастия, инфинитив, как на одно из значений реалисы, куда наряду с императивом входит индикатив [5], как на один из членов функциональной категории модуса высказывания, куда входят индикатив и конъюнктив. Приведя далее характеристики категории наклонения и рассмотрев определения категорий времени и наклонений [6—8], авторы приходят к выводу, что время и наклонение не являются двумя самостоятельными грамматическими категориями, а время есть субкатегория наклонения. Авторы высказывают предположение о том, что императив не может трактоваться как наклонение: «...императив и, шире, императивное предложение вообще не выражают какого-либо факта, который может характеризоваться как реальный или нереальный. Императив выражает прямое волеизъявление говорящего относительно невыполнения действия (или его выполнения), и это значение не является одной из граммем категории наклонения» (с. 68—69). В последней части главы проводится доказательство этого тезиса. Схема доказательства выбирается от противного. Допустив в рамках доказательства этого положения, что императив, равно как и индикатив, является наклонением, авторы, используя аппарат грамматики порядков, сравнивают формы и их количество в индикативе и императиве в различных временах, для различных значений категорий лица и числа, проводят сравнение центральных форм индикатива (второе лицо) и императива (второе лицо) и приходят к выводу, что императив не является наклонением. Императив, как показывает сравнение императивных и индикативных парадигм, имеет специфические лично-числовые показатели. Причина этого явления, по мнению авторов, в том, что лицо-число у императива в отличие от неимператива является не согласовательной, а содержательной категорией.

В четвертой главе — «Семантика и типология прохибитива» — которую авторы начинают с обзора взглядов на семантику отрицательных глагольных форм, они присоединяются к мнению Е. В. Падучевой [9], трактующей отрицание как оператор, применяемый к утвердительному предложению, а предложение *Мальчик не читает книгу* представляется как результат применения эксплицитной перифразировки НЕ ИМЕЕТ МЕСТА (*Мальчик читает книгу*). Исходя из такого понимания отрицательных глагольных форм, авторы приходят к выводу, что прохибитивные формы представляют собой комбинацию волеизъявления и частноотрицательного предложения [9].

Далее приводится типология прохибитивных форм в соотношении с индикатив-

ными отрицательными формами. Авторы основывают типологию на таких классифицирующих признаках, как идентичность/неидентичность соотносительных форм индикатива (без показателя отрицания) и прохибитива и идентичность/неидентичность показателей отрицания в императиве и индикативе.

Каждый классифицирующий признак может принимать одно из трех значений: полная идентичность, неполная идентичность и полная неидентичность. Здесь исчисляются логические возможности сочетания трех значений двух указанных признаков и рассматриваются 9 теоретически возможных случаев. Анализ прохибитивных форм подтверждает вывод, полученный авторами относительно императива: прохибитив, так же, как и императив, трактуется как косвенное наклонение глагола лишь в силу сложившейся традиции описательных грамматик.

Вторая часть книги — «Русский императив» — является по сути развернутой и углубленной иллюстрацией на материале русского языка теоретических построений, содержащихся в первой части. Являясь сторонниками функционального подхода к анализу форм-кандидатов на включение в парадигму, авторы вносят в парадигму почти все формы, которые в той или иной мере «подозревались» в императивности (гл. V).

Русская императивная парадигма представляется морфологически неоднородной, некоторые формы сопровождаются рядом вариантов. Авторы указывают, что именно это и является причиной разногласий и непрекращающихся дискуссий о составе и строении русской императивной парадигмы, сущность разногласий заключается в двух подходах — формальном и функциональном. Последовательно осуществляя в работе функциональный подход, авторы выделяют в составе русской парадигмы первичные и вторичные императивные формы, понимая под первичными «формально-императивные» формы (2 л.), а под вторичными — притянутые императивной парадигмой из других форм либо аналитические императивные формы, знаменательные компоненты которых входят в другие парадигмы.

Говоря о проблемах классификации частных императивных значений (гл. VI), авторы отмечают отсутствие четких и эксплицитных критериев существующих классификаций и предлагают собственную, основывающуюся на комбинации значений трех типов отношений: источника импульса каузации, заинтересованности (т. е. того, в чьих интересах каузируется желаемое действие) и субординации, что позволяет выразить строго формально все частные императивные значения: приказ, просьбу, инструкцию,

предложение (фактитивная каузация), разрешение и совет (пермиссивная каузация).

Синтаксис императивных конструкций (гл. VII) описывается с точки зрения структурно-синтаксических свойств актантов глагольных форм, входящих в состав императивных конструкций, приводятся правила порядка слов, учитывающие размещение актантов и сирконстантов по отношению к глагольному сказуемому, описываются эллиптические (безглагольные) императивные конструкции.

Кроме того, в последних главах второй части рассматриваются императивные конструкции с частицами, этикетное употребление императивных форм (для чего вводятся параметры релевантных социальных отношений), исследуется не прямое употребление русских императивных форм, сводящееся к внутрипарадигматическим (когда при сохранении «императивности» применяются частные значения лица и числа) и внепарадигматическим непрямым употреблением (форма императива не сохраняет значения волеизъявления).

Рецензируемая книга отмечена духом новаторства, изложение строго выдержано в рамках принципа исчисляющего описания, все типологии строятся на эксплицитно сформулированных основаниях, «клетки» классификации иллюстрируются примерами, подбор которых, кроме прочего, свидетельствует о тонком художественном вкусе авторов. Появление книги представляет собой значительное событие в лингвистике.

Московой В. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jakobson R. Zur Struktur des russischen Verbums // Jakobson R. Selected writings. V. 2. The Hague, 1971. P. 7—16.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 2. М., 1938.
3. Пешковский А. М. Интонация и грамматика // ИОРЯС. Т. I. Л., 1928. С. 458—476.
4. Пазухин Р. В. Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма // Studia Rossica Posnaniensia. 1974. № 6.
5. Ермолаева Л. С. Типология системы наклонений в современных германских языках // ВЯ. 1977. № 4.
6. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разнотипного строя. М., 1972.
7. Грамматика русского языка. М., 1960.
8. Русская грамматика: В 2-х т. М., 1980.
9. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974.